

—

Когда Чжоу Хуаньцин увидела Фу Мина, первой ее фразой было: «Фу Гунцзы, вы так исхудали и выглядите измученным. Должно быть, эти дни были для вас очень тяжелыми?»

Фу Мин ответил: «Если госпожа пригласила меня, чтобы посмеяться, то я ухожу».

Чжоу Хуаньцин улыбнулась: «Старший брат Чэнъянь часто говорил домашним, что вы чудесный человек, а оказывается, вы такой скучный. Я всего лишь пошутила, а вы уже рассердились. Вам с моим зятем, должно быть, очень скучно друг с другом».

«Госпожа, если у вас есть что сказать, говорите прямо. Если нет, то больше не нужно», — сказал Фу Мин, собираясь встать.

«Ах, ладно», — Чжоу Хуаньцин, видя, что он совершенно не желает разговаривать, прямо объяснила цель своего визита. «Я пришла, чтобы обсудить с вами одно дело. Если это дело удастся уладить, мой зять обязательно вернется целым и невредимым».

Сердце Фу Мина дрогнуло, и он поспешно спросил: «Что это за дело?»

«Полагаю, вы уже обращались к Третьему Принцу, верно? Хотя мой зять принадлежит к его фракции, Третий Принц не хочет жертвовать ради него. Так ли это?»

«Да».

«Третий Принц — человек, планирующий великие дела. Он всегда взвешивает все за и против, прежде чем действовать. Теперь, если мы сможем увеличить ставки на стороне моего зятя, Третий Принц определенно не будет больше выжидать».

«Как увеличить?»

«Ставка семьи Чжоу достаточно велика?» — на лице Чжоу Хуаньцин появилось некоторое самодовольство.

«Вы имеете в виду...» — голос Фу Мина стал немного громче. «Семья Чжоу готова изменить свою всегда нейтральную позицию и присягнуть Третьему Принцу?»

«Именно так. Если наша семья Чжоу будет всячески помогать Третьему Принцу, Третий Принц должен будет оценить вес обеих семей, Цзинь и Чжоу. С поддержкой Третьего Принца изнутри и давлением нашей семьи Чжоу извне, спасение моего зятя не за горами».

«Каковы условия семьи Чжоу?» — спросил Фу Мин. Хотя связи между семьями Чжоу и Цзинь были сложными, Чжоу Сыжу уже умерла. Чэнъянь мог помочь из-за старых чувств и нынешней дружбы, но отдать силы всей семье и даже изменить семейную позицию, конечно же, не могло быть вызвано только личными чувствами.

Чжоу Хуаньцин улыбнулась: «Вы, оказывается, тоже понимающий человек. Чтобы семья Чжоу перешла от нейтралитета на сторону Третьего Принца и семьи Цзинь, естественно, нужны более прочные связи. Две семьи, разделяющие честь и позор, всегда были либо старыми друзьями, либо породнены. Если бы моя сестра была жива, семья Чжоу, возможно, уже действовала бы. Но, увы, человек умирает, как гаснет свеча. Но свеча, если одна погасла,

можно зажечь другую. Фу Гунцзы, разве не так?»

Когда Чжоу Хуаньцин произнесла эти слова, Фу Мин сразу же понял: «Вы хотите... хотите породниться с семьей Цзинь официально? Но сестра Жэньлань уже обещана...» Фу Мин был весьма потрясен: «Итак, вы хотите сказать, что выйдете замуж в поместье Цзинь в качестве законной жены?»

Чжоу Хуаньцин медленно, но твердо произнесла: «Именно так. Наше условие таково: вы добровольно уходите, уступая мне место».

Фу Мин покачал головой: «Меня и господина соединил императорский указ. Как я могу добровольно уйти?»

Чжоу Сижу засмеялась: «Фу Гунцзы, вы умный человек, как вы можете не знать, как добровольно уйти? В нашем государстве существует закон, согласно которому жена может по собственной инициативе обратиться в суд с просьбой о разводе, если ее муж совершил преступление и заключен в тюрьму. Этот закон применим ко всем, от знати до простолюдинов».

Фу Мин все еще возражал: «Хотя такой закон существует, но мы с ним все же отличаемся. Мы были обручены по указу Его Величества».

«Об этом Фу Гунцзы не стоит беспокоиться. Вам нужно лишь подписать этот документ, а остальное предоставьте нашей семье Чжоу. Я гарантирую, что с этого момента вы больше не будете иметь никакого отношения к моему зятю. Впоследствии вы сможете снова жениться на красавице или выйти замуж за достойного человека, а семья Цзинь будет тесно связана с семьей Чжоу, разделяя честь и позор. Это принесет семье Цзинь только пользу и никакого вреда».

Перед ним Чжоу Хуаньцин положила документ о разводе. Фу Мин смотрел на слова на бумаге, и хотя он еще не написал свое имя, его сердце уже разрывалось от боли.

«Я думаю, вы, конечно, не хотите этого, ведь такое место, как герцогское поместье, и такой человек, как мой зять, если их потерять, то снова найти будет трудно. Но Фу Гунцзы, вы можете колебаться, а мой зять ждать не может».

Взгляд Фу Мина оторвался от документа о разводе. Он поднял глаза на Чжоу Хуаньцин и отчетливо произнес: «Вы действительно очень внимательны».

Чжоу Хуаньцин улыбнулась: «Я просто забираю то, что принадлежит мне. Некоторые вещи уже давно предопределены. Фу Гунцзы, вам следует это понять».

Фу Мин долго молчал, а затем спросил: «Как я могу верить вашим словам?»

«Полагаю, вы не поверите словам простой женщины, такой, как я. Тогда позвольте мне сначала показать вам искренность нашей семьи Чжоу. Ранее вы много раз пытались встретиться с моим зятем, но постоянно натыкались на препятствия, верно? Через три дня вы снова пойдете, и на этот раз обязательно сможете с ним встретиться. Но до этого я должна получить от вас подписанный документ о разводе. И вы должны пообещать мне, что это будет ваша последняя встреча, вы попроситесь с ним. Но вам нельзя упоминать о сегодняшнем, о нашем с вами соглашении, вы не можете никому рассказывать, это должно остаться вашим секретом».

Фу Мин полностью понял смысл слов Чжоу Хуаньцин, и это еще больше его расстроило. Не желая больше слушать настойчивые уговоры Чжоу Хуаньцин, он взял документ о разводе и ушел, почти убегая в панике, совершенно забыв о своей аристократической грации.

В течение следующих трех дней Фу Мин все еще выходил из поместья днем, его ноги натерлись до мозолей, но он так и не мог найти никакого выхода. Ночью он ворочался с боку на бок, а документ о разводе лежал у него под подушкой. Каждый раз, когда он доставал его, слова на нем казались ему ужасными, и он почти не дочитывал до конца, как снова отбрасывал его подальше.

Поздняя ночь, тишина, незаметно опускался холодный иней. Он вспомнил, как Цзинь И приехал за ним на высокой лошади и забрал его в поместье Цзинь И, это была ранняя весна. Тогда Цзинь И был таким холодным и отстраненным, но он все же стал частью семьи Цзинь И. В тот же год, в середине осени, среди мерцающих фонарей, его сердце было охлаждено Цзинь И, но позже, при свете фонарей в новогоднюю ночь, его сердце снова согрелось. Одна цитра, сколько мелодий он сыграл Цзинь И, и меч Цзинь И, сколько раз он танцевал для него; та снежная ночь перед южным походом Цзинь И, те летние ночи в горах Цуйвэй после его возвращения... Столько горечи и сладости, что он хотел плакать, но смеялся, хотел смеяться, но получался горький смех.

Действительно ли он дошел до края? Чанцзе, что мне делать?

Ночь была тихой, никто не отвечал, только осенние насекомые во дворе исполняли свою последнюю песнь перед зимой.

Вечером третьего дня Фу Мин вернулся в поместье извне. Он сам растер чернила, взял кисть и написал свое имя на бумаге для развода, а затем поставил печать. Легко надавив, он словно отбросил свое сердце. Красный отпечаток был похож на пятно крови, от которого ему стало почти невыносимо дышать.

—

На следующий день, когда Фу Мин снова посетил Палату по уголовным делам, чиновники наконец-то проводили его в тюрьму, где он увидел человека, которого не видел несколько месяцев, но ни на мгновение не забывал.

В день их расставания Цзинь И вышел рано утром, оба они были спокойны и улыбчивы. Цзинь И сказал, что у него мало дел, и он вернется домой днем, чтобы вместе попробовать новые летние блюда в Цзяньлоу. Фу Мин ждал целый день, до сумерек, до конца лета, до поздней осени, но так и не дождался выполнения маленького обещания.

Но в этот момент, когда он увидел истощенного и слабого Цзинь И, все его негодование превратилось в боль. Только этот взгляд, и в его сердце осталась лишь одна мысль: лишь бы этот человек был в безопасности.

Фу Мин успокоил свои бушующие эмоции и тихо позвал: «Господин? Чанцзе...»

Внутри тюремной камеры человек, который сидел, закрыв глаза, вдруг вздрогнул, открыл их и, увидев человека снаружи, резко встал, шатаясь, бросился к решетке, в его глазах был шок. Они молча смотрели друг на друга, никто не хотел отвести взгляд.

Долгое время спустя Цзинь И наконец сказал: «Ты похудел». Его голос был хриплым, но тон был таким нежным, полным сострадания.

Фу Мин чуть не заплакал. Он с трудом сдержал слезы, покачал головой и улыбнулся: «По сравнению со страданиями господина, что значат мои?» Сказав это, он невольно закашлялся.

«Ты плохо себя чувствуешь? Это серьезно?»

«Я в порядке, просто немного простудился, господину не о чем беспокоиться». Фу Мин протянул руку, погладил исхудавшее лицо Цзинь И, прямо глядя в его еще более глубокие глаза: «Чанцзе, прости, я не смог прийти к тебе раньше, и не смог...»

Цзинь И поднял руку, взял ладонь Фу Мина, приложенную к его лицу, и прервал его: «Как ты можешь винить себя? Это я заставил тебя беспокоиться».

Фу Мин покачал головой, на его лице появилась легкая улыбка: «Все в порядке, скоро ты вернешься домой».

Цзинь И, казалось, поверил словам Фу Мина и тоже улыбнулся: «Я жду, когда вернусь. Хотя летние блюда в Цзяньлоу уже неактуальны, я отведу тебя поесть хого, чтобы согреться зимой. Но ты должен быстрее поправиться, не забудь обратиться к врачу и пить лекарства».

«Хорошо», — Фу Мин тихо кивнул. «Когда ты вернешься, мы, мы...» Он опустил голову, и слова больше не могли вырваться.

Цзинь И поднял руку, погладил его по голове и нежно утешил: «Все, не грусти больше из-за меня. Хотя я и пережил это испытание, и оказался здесь, я не страдал напрасно. За эти дни я многое обдумал и многое понял».

«Что ты понял?»

Будучи запертым и окруженным стенами, кроме допросов, Цзинь И мог лишь каждый день в одиночестве озирать пустыню. Не счесть, сколько было одиноких и холодных дней и мучительных, бессонных ночей. Он по крупитцам вспоминал прошлое, размышлял о течении времени, думал о своих несбывшихся амбициях, о семье, которую ему предстояло возродить и прославить, о стариках, детях и женщинах в доме, которые на него полагались... Негодование, обида, страх постоянно разъедали его, заставляя его чувствовать себя в аду. Но каждый раз в такие моменты незаметно появлялось лицо Фу Мина. Он улыбался, нежно глядя на него, словно теплый ветерок, медленно рассеивая всю горечь, гнев и страдания в его сердце, а также боль и холод в теле.

Сегодня человек, о котором он думал днем и ночью, наконец-то был не во сне, а перед ним. Цзинь И улыбнулся: «Больше всего я думал о тебе. Я понял, что если я смогу вернуться, вернуться к тебе, это будет величайшим счастьем в этой жизни. Если мы... если мы никогда больше не увидимся в этой жизни, я даже осмеливаюсь надеяться на следующую жизнь, чтобы воссоединиться с тобой».

Раньше, когда их любовь была глубока, Цзинь И никогда не говорил таких откровенных слов. Пережив это испытание, он смог прямо выразить свои чувства, но Фу Мин, услышав это, больше не мог говорить и не мог притворяться счастливым. Слезы покатались из его глаз. Он отвернулся и задыхаясь произнес: «Хорошо, хорошо, я буду всегда помнить все, что ты сказал, всегда помнить».

Цзинь И нежно повернул влажное лицо Фу Мина, вывернул чистый рукав изнутри и вытер ему постоянно текущие слезы. «Все, хватит плакать. Если будешь плакать дальше, мне нечем будет вытирать твои слезы».

Фу Мин, услышав это, снова залился слезами, которые только что остановились. Цзинь И вздохнул, наклонился и поцеловал его в глаза, чтобы стереть теплую влагу. Фу Мин весь задрожал, затем поднял голову и тоже поцеловал Цзинь И в ответ, его поцелуй был полон бесконечной нежности.

В тюрьме, на пороге расставания, забыв себя и все остальное, в этот момент Фу Мин думал, что он все еще законный супруг человека, с которым он был близок, человек, которого Цзинь И хотел бы глубоко хранить в своем сердце, независимо от жизни или смерти.

Однако, мгновение не могло длиться вечно. Едва они встретились, как уже пришлось расставаться.

Лишь в этот момент Фу Мин начал говорить то, что должен был сказать сразу при встрече: дома все хорошо, старая госпожа, сестра Жэньлань, Янь-эр и другие ждут его возвращения, эту еду приготовила лично Синьюэ, одежду принесла Бай Лу в Фан Мань Тин... Дойдя до конца, ему больше нечего было сказать, а то, что было, нельзя было говорить.

Тюремщик несколько раз торопил их. Цзинь И, видя, что Фу Мин все еще не хочет уходить, уговорил его: «Ладно, иди домой. Увидимся, когда я вернусь».

«Чанцзе...»

«Мм?»

«Знаю, что твоя любовь так же велика, как солнце и луна».

Цзинь И улыбнулся: «Да. Знаю, что твоя любовь так же велика, как солнце и луна».

Фу Мин также слегка улыбнулся. Если они больше никогда не увидятся, он хотел оставить Цзинь И улыбку, а не печаль.

Помахав рукой на прощание, Фу Мин очень медленно пошел, но все равно шаг за шагом удалялся от взгляда Цзинь И. И пока силуэт Фу Мина не скрыла тюремная стена, глаза Цзинь И все еще смотрели в ту сторону, куда он ушел. Последний взгляд Фу Мина, почему-то, беспричинно напугал его, казался слишком глубоким, слишком тоскующим.

Есинь, повторял он про себя снова и снова, Есинь, Есинь...

Синее море, лазурное небо, ночное сердце каждую ночь.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118436>